

Научная статья

УДК 82(82-1/29)

DOI 10.17223/18137083/94/11

Ресторан в прозе русской эмиграции 1920–1940-х годов

Анна Александровна Богодерова

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия

bogoderova86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1724-1735>

Аннотация

Рассматривается изображение ресторанных локусов (ресторанов, кабаре, баров и кабаков) в прозе европейской ветви эмиграции 1920–1940-х гг. Направления развития семантики и функций локуса различаются в широком диапазоне: это место порока, атрибут красивой жизни и успеха, воплощение радости жизни, примета обыденности, место социализации, любовных свиданий, философских бесед и судьбоносных встреч. Рассмотрена роль ресторанного локуса как отражения макролокуса (Парижа, Берлина, Константинополя, других городов и стран Европы). Выявлены темы и мотивы, связанные с ресторанами разных типов.

Ключевые слова

проза русской эмиграции, ресторанный локус, русский эмигрантский ресторан, проза 1920–1940-х, кабак, урбанистическая культура

Для цитирования

Богодерова А. А. Ресторан в прозе русской эмиграции 1920–1940-х годов // Сибирский филологический журнал. 2026. № 1. С. 144–156. DOI 10.17223/18137083/94/11

The restaurant in the prose of Russian émigrés (1920s–1940s)

Anna A. Bogoderova

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation

bogoderova86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1724-1735>

Abstract

This article examines restaurant loci, including restaurants, cabarets, bars, and taverns, as depicted in the prose of the European branch of Russian emigration from the 1920s to the 1940s. While the Shanghai branch of the emigration was often characterized by a “restaurant phobia,” European writers presented a more nuanced and varied perspective on these spaces.

© Богодерова А. А., 2026

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 1. С. 144–156

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 1, pp. 144–156

The restaurant is analyzed as an ambivalent locus: a space where characters navigate social, psychological, and even metaphysical dilemmas. It serves as a marker of the individual's relationship with earthly blessings, ranging from the grateful enjoyment of life to perceived "dirty debauchery." Beyond its function as a site for socializing or intellectual discourse, the restaurant reflects the broader urban atmosphere of cities like Paris, Berlin, and Constantinople. The study categorizes these venues by their symbolic motifs. Elite restaurants often expose the hypocrisy of high society, while traditional taverns immerse the character in "national life," contrasting the historical Past with the internationalized Present. Notably, the Russian émigré restaurant represents a "world turned upside down," with former nobility serving as waiters or performers. In these texts, the restaurant is both a symbol of humiliation and a sanctuary for nostalgia, where Romani music and sentimental songs evoke the atmosphere of a lost Russia.

Keywords

Russian émigré prose, restaurant locus, Russian émigré restaurant, prose of the 1920s–1940s, tavern, urban culture

For citation

Bogoderova A. A. Restoran v proze russkoy emigratsii 1920–1940-kh godov [The restaurant in the prose of Russian émigrés (1920s–1940s)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 1, pp. 144–156. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/94/11

Изображение ресторанных локусов имеет долгую историю, и при сохранении общего смысла «место роскошного отдыха» оттенки значения меняются в зависимости от культурной эпохи. В статье Е. Р. Пономарева [2018] отмечен двукратный идеологический пересмотр ресторана в русской литературе. В середине XIX в. он представляется локусом кутежей и катастроф в одном ряду с публичным домом. Затем он превращается в респектабельное место гастрономии и публичных свиданий. В период Серебряного века здесь собирается богемный мир. Для акмеистов это локус искусства и культурной жизни, для символистов – концентрация пошлого быта, но даже пошлая обстановка дает возможность пережить нечто исключительное. Однако советская эпоха возвращается к прежней «ресторанофобии», и ресторан вновь изображается как место излишеств, разврата и духовного опустошения.

Схема Пономарева не касается произведений эмигрантов, и поэтому представляется интересным выяснить, какой подход ближе этой ветви русской литературы. Развлекательным локусам в поэтическом тексте модернистов посвящены также исследования Л. Г. Кихней [Кихней, Гавриков, 2019] и Д. М. Магомедовой [2017]. Существуют статьи о ресторане и трактире у отдельных писателей XX в. [Ташлыков, 2010; Павлов, Фомичева, 2021] и о ресторанном локусе в прозе шанхайских эмигрантов [Богодерова, 2025]. Однако изображение ресторана в прозе европейской эмиграции еще не становилось объектом самостоятельного исследования.

Под ресторанным локусом мы подразумеваем не только ресторан, но также и бар, кабак и кабаре. Изображения кафе не входят в анализ из-за их иной атмосферы.

Исследование прозы русского Шанхая 1920–1940-х гг. продемонстрировало единодушие писателей-эмигрантов в отвращении и недоверии к ресторанному локусу [Там же]. Шанхайские рестораны – рестораны XX в., эпохи джаза – изображены с акцентом на негативных чертах. В описаниях повторяется устойчивый ряд элементов (агрессивная музыка, откровенный танец, обилие алкоголя, резкие све-

товые контрасты и угарная атмосфера), представляющих ресторанный отдых как разгул хищной витальности и пир во время чумы. Однако такова специфика только шанхайского макролокуса. Исследование произведений европейской ветви дает гораздо более разнообразную картину, далекую и от дальневосточной, и от советской «ресторанологии».

«География» изображенных европейских ресторанов обширна. Прежде всего, это три крупнейших центра русской эмиграции – Париж, Берлин и Константинополь. Неповторимая атмосфера каждого города проецируется и на его рестораны, которые выступают его зеркалом.

Знаменитые рестораны Монпарнаса и Монмартра, рестораны для рабочих, гостеприимные кабачки – часть легкой, блестящей атмосферы Парижа, развлечение успешных людей и приют для бедняков (Г. Газданов «Призрак Александра Вольфа» (1947); М. Алданов «Тьма» (1942), «Пещера» (1932); Б. Поплавский «Домой с небес» (1935); И. Одоевцева «Зеркало» (1939); Б. Зайцев «Дом в Пасси» (1935); Н. Берберова «Лакей и девка» (1949); А. Ренников «Жизнь играет» (1930)).

Берлин в нехудожественной прозе оставляет впечатление одновременно покорности и скуки. Он переполнен развлечениями, но они безвкусны, грубы и не приносят подлинной радости, как отмечает в дневнике 1929 г. Б. Зайцев (Зайцев, 2000, с. 78–80). Это отражается и на изображении ресторанного локуса. По мнению Андрея Белого, в Берлине все поставлено с ног на голову: в лучших ресторанах царит негритянский фокстрот, а подлинные носители культуры ютятся в прокуренных пивных (Белый, 1924, с. 31–36). Однако художественная проза мало интересуется ресторанами эпохи джаза. Берлинский ресторан здесь лишен собственного лица, показан нейтрально, акцент смещен на пошлое поведение посетительниц, заказывающих дорогие блюда за счет кавалеров (Н. Лаппо-Данилевская «Сонечка» (1925), В. Крымов «Дьяволенок под столом» (1933)). Берлинские рестораны, кабаки и пивные в прозе Набокова – пристанище убожества и скуки, тем не менее порождающее у повествователя множество ассоциаций, складывающихся в необычную картину («Письмо в Россию», «Драка», «Путеводитель по Берлину» (1925); «Король, дама, валет» (1928), «Камера обскура» (1933)).

Константинополь, первый приют русских на пути в эмиграцию, выглядит сплавом противоречивых впечатлений. Героя окружают пошлые американские бары, рестораны с фокстротом, кабаки с цыганскими песнями, но на фоне этого видны пестрое изобилие народной жизни, традиционные кабачки с турецкой и греческой кухней и прекрасный морской пейзаж. В Константинополе эмигранты испытывают первый шок от своего нового положения: многие вынуждены работать обслугой в ресторанах, вместе со статусом теряя достоинство. В заведениях Галаты и Перы беззаботное веселье соседствует с борьбой за выживание, герой переживает или эйфорию, или противоречие между окружающим благополучием и своим унижением (Г. Газданов «История одного путешествия» (1935), А. Аверченко «Записки Простодушного» (1921), А. Седых «Звездочеты с Босфора» (1948), А. Ветлугин «Записки мерзавца» (1922)).

Дух страны отражают рестораны не только в столицах, но и в других городах. Во Франции это Марсель (А. Куприн «Колесо времени» (1929), В. Набоков «Порт» (1924), И. Сургучев «Ротонда» (1928)), Ницца (В. Крымов «Дьяволенок под столом», А. Куприн «Система» (1928)), Ривьера (М. Алданов «Пещера», В. Крымов «Дьяволенок под столом»). В Германии это города и городки в разных частях страны (М. Алданов «Грета и Танк» (1942), А. Куприн «Потерянное сердце» (1931), П. Краснов «За чертополохом» (1921), В. Набоков «Отчаяние» (1934)).

Гостиничные рестораны Швейцарии, из которых открывается вид на живописный горный ландшафт, представлены как дорогое место отдыха для уважаемых людей (В. Набоков «Удар крыла» (1923), А. Ренников «Зеленые дьяволы» (1937), М. Алданов «Пещера» (1932)). Они отражают восприятие Швейцарии как страны с атмосферой благополучия и праздника, хотя в какой-то мере лишенной душевности и тепла.

В описании ресторанов Сербии ощущение неуютности присутствует независимо от того, сербский это ресторан или русский эмигрантский (Н. Городецкая «Несквозная нить», В. Крымов «Дьяволенок под столом»). В отличие от картины успеха русских ресторанов, восстановленной М. Голубович по мемуарам [Голубович, 2022], художественные произведения изображают погрязшими в бедности и клиентов, и само заведение, и разочарованный герой делает вывод: «Там, где вино и сигары дороги и плохи, не умеют жить» (Крымов, 1933, с. 157). Иначе выглядит Прага, о которой подробнее будет сказано далее.

Другие места Европы представлены меньшим количеством текстов, и построение сцены зависит скорее от интенций автора, чем от репутации города: Лондон (Г. Газданов «Призрак Александра Вольфа» (1947), В. Набоков «Картофельный эльф» (1929)), Венеция (И. Одоевцева «Зеркало» (1939)), Копенгаген (В. Ирецкий «Наследники» (1928)), Антверпен и Мадрид (И. Сургучев «Ротонда» (1928)). То же можно сказать и о произведениях, в которых место действия не названо (Н. Еленев «Перстень» (1928), В. Набоков «Сказка» (1926), И. Сабурова «Королевство Алых башен» (1947)) или же весь локус с его уникальной атмосферой вымышлен (В. Набоков «Весна в Фиальте» (1936)).

Рестораны изображены разнообразно даже внутри одного макролокуса (Парижа, Константинополя и т. д.). Любой элемент ресторанного локуса – еда, алкоголь, музыка, танец, особая атмосфера – может опускаться или, наоборот, выступать в повествовании на первый план.

Наиболее очевидное направление развития семантики локуса – представление ресторана местом разврата и порока. Однако развернутое изображение пьяных кутежей встречается не так уж часто (А. Аверченко «Аргонавты и золотое руно» в цикле «Записки Простодушного», Б. Поплавский «Домой с небес»). Чаще краткое упоминание о бурных развлечениях в кабаках играет роль негативной характеристики персонажа, хотя иногда так подчеркиваются противоречия сложных натур (Г. Газданов «Призрак Александра Вольфа» (1947), Б. Поплавский «Домой с небес» (1935), В. Набоков «Бахман» (1924)).

С другой стороны, обед в ресторане демонстрирует высокий статус персонажа, это признак «красивой жизни», которую ведут богатые и успешные люди – дипломаты, предприниматели, творческая элита (А. Аверченко «Трагедия русского писателя», М. Алданов «Пещера», И. Куприн «Система»). Низкостатусный персонаж, добившись победы хоть в чем-то, устремляется в ресторан, чтобы вознаградить себя и присоединиться к миру успеха (М. Алданов «Тьма», Н. Еленев «Перстень», В. Набоков «Картофельный эльф», А. Ренников «Жизнь играет»). Герой-неудачник, выброшенный из жизни, своим походом в ресторан пытается ухватиться за счастливое прошлое (В. Крымов «Дьяволенок под столом») или, мечтая о нем, создает для себя иллюзию наличия будущего (Б. Зайцев «Дом в Пасси»). Например, в романе Крымова «Дьяволенок под столом» герой-эмигрант, проживающий остатки капиталов на Ривьере, оценивает ресторан как атрибут элитарности и в то же время локус, в котором максимально проявляется фальшь светской жизни. Кроме того, это еще и показатель смены эпох: привыч-

ное герою прекрасное прошлое с его деталями и атмосферой вытеснено агрессивным настоящим, изысканность – показным блеском и бездушием.

В некоторых произведениях ресторанные сцены используются для раскрытия глубинных переживаний героев, а сам локус связывается с ложной радостью и иллюзорным счастьем. Так, для начинающей актрисы, героини романа И. Одо-евцевой «Зеркало», ресторан символизирует новый образ жизни, пришедший вместе с романом со знаменитым режиссером. Каждая ресторанный сцена отмечает новый поворот в ее любовной линии и в творческом пути. Несмотря на блеск положения восходящей звезды и любовницы великого человека, многие детали в сценах подчеркивают, что ее успех непрочен и обманчив. Прием повтора использован, чтобы сопоставить счастливое начало и мрачный конец истории: героиня в финале оказывается в том же ресторане, где когда-то была с бросившим ее режиссером, и на этот раз приятная обстановка причиняет ей максимум страданий.

Во многих случаях поход в ресторан не связан с повышением статуса, он означает просто благополучие, момент спокойствия и гармонии с миром (Г. Газданов «История одного путешествия», А. Ренников «Жизнь играет», В. Крымов «Дьяволенок под столом»). Пребывание в ресторане – переживание не только удовольствия, но и долгожданной свободы наедине с собой. И именно в этот момент некоторые авторы подводят героя к конфликту с несовершенством мира. Радости жизни противопоставлена память о смерти и страдании. Так, у Аверченко русская официантка портит герою настроение рассказами о пережитых ею ужасах революции и террора («Еще гроб»). У Алданова в «Пещере» дипломату отравляет жизнь память о недавней смерти тестя. В обоих случаях такое торжество морального над витальным осознается как нечто ложное и неуместное.

Завтрак и обед в ресторане не только праздник, но и обыденность в жизни персонажа-холостяка. Персонажи едят, параллельно читая газету и выписывая информацию, наедине с собой или общаясь с завсегдатаями, и это знак того, что их жизнь стабильна и упорядочена (Н. Берберова «Облегчение участи» (1938), Г. Газданов «История одного путешествия» (1935), В. Яновский «Любовь вторая» (1935)). С другой стороны, такой рутинный фон у некоторых персонажей порождает глубокое переживание осмысленности и полноты бытия (Г. Газданов «Призрак Александра Вольфа», В. Набоков «Путеводитель по Берлину»).

Ресторан также – площадка для социализации и поиска единомышленников. Здесь происходят деловые встречи, обсуждаются планы и новости (А. Ренников «Жизнь играет» (1930), А. Росселевич «Наши на луне» (1926)), собираются товарищи по несчастью, собратья-эмигранты (А. Седых «Звездочеты с Босфора»). Такой ресторан выступает и как место политических дебатов и агитации (А. Ренников «Жизнь играет»), и даже как поле боя спецслужб (М. Алданов «Грета и Танк»). Однако традиция использовать ресторан для собрания литераторов, возрожденная в эмиграции, почти не нашла отражения в художественной прозе изучаемого периода (хотя существуют «Ротонда» Сургучева, где похожую роль играет кафе). Исключение составляет микроэпизод в «Истории одного путешествия» Газданова, где литературный вечер в кабачке на St.-Michel изображен убогим и нелепым.

Еще чаще ресторан служит для встреч героев со своими любимыми. Знакомство, свидание в ресторане – устоявшаяся в культуре часть ритуала ухаживания, этап соблазнения, представленный во множестве текстов (Н. Городецкая «Несквозная нить», В. Набоков «Камера обскура», «Король, дама, валет», «Удар кры-

ла», Г. Газданов «Призрак Александра Вольфа», И. Одоевцева «Зеркало» (1939), Н. Берберова «Лакей и девка»). Репутация ресторана как места свиданий настолько сильна, что в рассказе Алданова «Грета и Танк» главные герои, не связанные романтическими отношениями, несколько раз невольно примеряют на себя этот стереотип. Иногда предметом изображения становится именно неудачное свидание, испорченное прожорливостью дамы, расспросами о ее прошлом (В. Крымов «Дьяволенок под столом» (1933)), неумением себя вести (А. Ренников «Жизнь играет» (1930)).

Пространство ресторана также создает возможность дружеского застолья, сопровождающегося беседой о жизни, Боге, философии, истории, судьбе и литературе. Но в эмигрантских текстах такие беседы чаще всего лишены подлинной гармоничности, а в ресторанном локусе обнажается скорее его низменная природа.

Диалог может происходить в подчеркнуто сниженном локусе для усиления контраста между жизнью, которая окружает героя, и тем, к чему он стремится. Например, в романе Крымова «Дьяволенок под столом» главный герой, переживающий затяжной кризис, сталкивается со своим старым знакомым Шмулем в убогом сербском ресторанчике. Мудрый пьяница делится своей «философией хорошего настроения» (Крымов, 1933, с. 163), которая наполняет героя надеждой на лучшее будущее, однако настоящее положение обоих темно и неблагоприятно. В «Призраке Александра Вольфа» беседе главных героев ресторанная обстановка скорее мешает. Когда философский диалог все же разворачивается, Газданов использует диссонирующую деталь: рассуждения фаталиста Вольфа перемежаются с приземленными и пошлыми репликами повара и клиентов и грохотом посуды, отчего его философия начинает выглядеть менее убедительно. Впечатление дисгармонии и раздвоенности обоих героев усиливается, когда их финальное объяснение все сильнее оттягивается прогулкой по парижским кабакам и притонам.

В других произведениях интеллектуальный поединок за столом ведут не друзья, а тайные или явные противники. В рассказах Набокова «Весна в Фиальте» и «Удар крыла», в уже упомянутом «Призраке Александра Вольфа» герои – соперники и антагонисты – обсуждают в ресторанном локусе ключевые для этих произведений философские проблемы. При этом детали обстановки приобретают символическую насыщенность. В «Ударе крыла» диалог в баре о библейском Боге между Керном и подталкивающим его к гибели Монфиори складывается в картину искушения. Керн, у которого кровь становится «сладкой» от выпитого, сам превращается в «пищу» для inferнального собеседника [Лебедева, 2017, с. 72]. В «Весне в Фиальте» в ресторанную сцену между Васенькой, Ниной и Фердинандом вводится ловящий бабочку англичанин, которого интерпретируют как альтер эго самого Набокова [Галинская, 2006, с. 70]. Общность и противостояние героев подчеркнуты этим последним сбором вокруг Нины. Соперник главного героя, неоднозначный литератор Фердинанд, требуя себе такой же напиток, как у англичанина, символически уподобляется ему. Герои, объединенные интересом к Нине, бабочке и Фиальте, объединены еще мотивом жажды, который, по мнению С. Сендеровича и Е. Шварц, выступает как универсальный символ мотивации, страсти и желания [Сендерович, Шварц, 2006, с. 307].

В поэзии Серебряного века пространство ресторана может трансформироваться в возвышающее героя инобытие или в губительное inferнальное место. В прозе Набокова, Газданова и Поплавского преобразования происходят за счет включения в эпизод воображаемых картин, воспоминаний, что тоже формирует своего

рода инобытие. Удивительные совпадения, неслучайные случайности и дежавю превращают ресторан в судьбоносное место.

Искренность персонажей делает ресторан местом исповедей, рассказывания необычных историй (И. А. Куприн «Колесо времени», М. А. Алданов «Грета и Танк»). Все увиденное и услышанное здесь также составляет предмет металитературных размышлений героя с творческими амбициями: на происходящее он смотрит как на материал и мысленно превращает свои впечатления в эффектную литературную сцену, например, писатель в рассказе «Грета и Танк» или Герман в романе «Отчаяние», осмысляющий создаваемое им описание встречи в ресторане через аллюзию на «застеночные беседы в бутафорских кабаках имени Достоевского» (Набоков, 2006, с. 450).

Анализ ресторанных локусов требует также охарактеризовать различные типы изображенных ресторанов. Если мы выстроим систему координат, в которой одна ось обозначает класс заведения (высокий / низкий), другая – выраженность его национального колорита (международный / национальный), то получим четыре полюсных типа, а также промежуточные варианты. Рассмотрим наиболее значимые типы и связанные с ними мотивы.

Дорогой ресторан для элиты может быть и национальным, как олицетворяющий Францию ресторан в рассказе Алданова «Тьма», и подчеркнуто всевропейским, как мадридский ресторан в «Ротонде» Сургучева, и неопределенным, как версальский ресторан в романе Алданова «Пещера». Их высокий класс акцентируется в описаниях интерьеров и персонала. Регламентированность поведения гостей порождает тему светской фальши, общение в этом локусе строится на напряжении между любезной беседой и скрытым за ней конфликтом, выраженном во внутренней речи. У Алданова офицеры считают чужие награды, светские дамы – чужих любовников, и те, и другие испытывают зависть и досаду. У Сургучева рассказчик за нарочито пустыми речами прячет торжество над соперником в любовных делах. Высокий статус ресторана ставит вопрос о соответствии ему героя, что рефлексируется или им самим, или окружающими. Метрдотель в «Тьме» тщательно скрывает ненависть к немецким офицерам не просто как к захватчикам, но и как к плебейам. Напротив, в романе «Пещера» жена дипломата, терзаемая честолюбием, считает завтрак в дорогом ресторане жалкой компенсацией недостаточно высокого статуса, не позволяющего пройти на прием в Версальский дворец.

Уютный национальный кабачок встречается в произведениях Н. Еленева «Прейскурант» (1029), А. Куприна «Потерянное сердце» (1931), А. Седых «Звездочеты с Босфора» (1948). О постепенном исчезновении таких мест сожалеют в очерках И. Куприн («Париж домашний» (1927)) и М. Осоргин («Там, где был счастлив» (1925)). В фокусе внимания находятся блюда, напитки и атмосферные детали: так, в пражском кабачке подают «венгерское, терпкое, блаженно вяжущее язык и десны» вино (Еленев, 2021, с. 22), в немецком – «сытный завтрак из яичницы с ветчиной, жареных толстых сосисок и доброго сыра с черным бархатным пивом» (Куприн, 1958, с. 83), в константинопольском «скумбрия нежилась на блюде, обложенная помидорами, покрытая ломтиками лимона и посыпанная рубленым укропом» (Седых, 1973, с. 12). «Домашнее» отношение к посетителю соединяется с национальной спецификой поведения – бургерским простодушием или хитрыми манипуляциями восточного гостеприимства.

Но не все кабачки выглядят так привлекательно, иногда они воплощают темную сторону макролокуса – Праги, Берлина или Германии в целом.

Н. Еленев в рассказах «Мицци», «Ночная прогулка» (1927), «Гость» (1926) изображает «зловещие» кабачки в глубинах городского лабиринта Праги. Подвал, ночь и сумерки, подземный гул и дьявольская музыка, удушливый дым, эмблемы и узоры в виде жаб и летучих мышей создают образ входа в роковой, магический город. С визита туда начинается погружение в атмосферу «подземной» Праги, это завязка фантастических сюжетов в духе Гофмана и Майринка. Еленев, подобно писателям-романтикам, поляризует святое и дьявольское, душевное и бездушное, живое национальное и мертвящее «космополитическое», и в этой системе антиподами становятся ресторан и каба́к, оба противопоставленные сакральному локусу – католическому собору.

Берлинский и, шире, немецкий каба́чок представлен в данном исследовании произведениями В. Набокова. В рассказах и романах 1920–1930-х гг. это локус пошлости и скуки, угрюмое, неуютное, тесное и темное пространство. В обстановке отмечены характерные детали: неопрятная стойка, газеты и рекламы, часы и олени рога, азартная игра, пьяный хохот и разговоры вместо музыки. Впечатление примитивности дополняет меню из пива, картофеля и колбасы. Однако в этом подчеркнуто сниженном пространстве герой Набокова испытывает тонкие переживания, мимолетные впечатления обыденной жизни складываются в неповторимую картину, превращаются в «что-то будущее воспоминание» (Набоков, 2004, с. 181). В «Драке» и «Путеводителе по Берлину» создание таких картин осознается как главная задача писателя.

Отдельного рассмотрения заслуживает тема русского эмигрантского ресторана. Такие рестораны существовали в большом количестве и давали эмигрантам шанс получить работу и выжить [Менегальдо, 2001, с. 117–126; Голубович, 2022].

В целом тема ресторана как места работы эмигрантов имеет трагический оттенок и в русском ресторане, и в зарубежном. Если открытие собственного заведения – это успех, то служба официантом, певицей или танцовщицей – несмываемое пятно на репутации (А. Ренников «Жизнь играет», Б. Зайцев «Дом в Пасси», Н. Берберова «Лакей и девка»). Для героини это практически равно статусу публичной женщины (И. Сабурова «Королевство Алых башен», В. Ирецкий «Наследники», В. Крымов «Дьяволенок под столом»). Редкое исключение составляет роман Н. Городецкой «Несквозная нить», где героине удастся, будучи певицей в кабаке, пережить подлинное вдохновение, а затем найти спутника жизни и получить шанс петь в опере. Особое унижение переживает в романе «Дьяволенок под столом» князь из дома Романовых, вынужденный работать достопримечательностью в ресторане на Ривьере, а при появлении представителей королевских домов позорно исчезать.

С пространством русского ресторана предсказуемо связана тема утраченной России, противопоставление прошлого и настоящего (хотя чаще в повествовании фокус смещен на настоящее, а ресторан важен как место встречи с себе подобными и средство решения насущных проблем).

В некоторых случаях это реализуется в сравнении благополучного прошлого и униженного настоящего работников. В «Записках Простодушного» А. Аверченко комическую и драматическую ситуацию порождает неожиданная встреча с людьми в новом качестве: в константинопольских ресторанах верхи меняются с низами, мошенники превращаются в уважаемых клиентов, а бывшей аристократии достается место обслуги. В повести Н. Берберовой «Лакей и девка» лиричная ретроспекция в прошлое официанта составляет контраст с бездушием и деградацией его клиентки из его прежнего круга.

Воспринимать русский ресторан как подлинное «окно» в Россию прошлого было бы неверно. Ресторанная «Россия» – зачастую пошлая эклектика, карикатура, «русскость», выраженная в избах и тройках на картинах, в сочетании иконы с пальмами в кадках («Несквозная нить»), ненастоящие цыгане с церковными голосами («Домой с небес»), бородатый буфетчик и разухабистая шантанная песня («Трагедия русского писателя»). Это Россия, в которой все повернулось с ног на голову или замещено подделкой, и это усугубляет для героев трагедию потери родины.

В других произведениях тема прошлого и памяти выражена в сложной игре ассоциаций и воспоминаний, вызванных атмосферой русского ресторана. Например, у Набокова в рассказе «Порт» детали обстановки в приятном ресторанчике напоминают рассказчику о летних дачных радостях Российской империи, порождая ощущение гармонии.

Несмотря на возможность воссоздать атмосферу русской жизни через изображение кулинарных традиций, этого не происходит: блюда – борщ, осетрина, грибы, балык и селедка – упоминаются для обозначения идентичности и статуса ресторана и клиентов, но без детальных описаний. Подлинным национальным символом служит водка, в большинстве сцен играет роль универсального средства сближения и достижения нужного настроения.

Важный элемент обстановки, создающий атмосферу и будящий воспоминания и эмоции, – это музыка, романс и цыганские песни. Роль музыки не только воскресить прошлое, но и «комментировать» текущее положение. Так, в «Несквозной нити» романс А. Кусикова «Обидно, досадно» (1916) не только попытка восстановить разгульно-цыганскую атмосферу ресторана, но и способ оттенить вульгарным зрелищем настоящее вдохновение главной героини. Патриотическая тематика романса «Кремлевские колокола» В. Карнавалова (1938) напоминает эмигрантам не о славном прошлом, а о предавшей их родине и отсутствии будущего (А. Ренников «Жизнь играет»). В «Призраке Александра Вольфа» романсы, звучащие из граммофона, обращают героев к мыслям о прошлом и предвещают новое появление в их судьбе «призрака из прошлого» времен Гражданской войны. Песня «Il Pleut Sur La Route» не просто будит воспоминания, строчка «Ne viendras-tu pas?» перекликается с названием сборника самого Александра Вольфа «I'll come tomoorrow», а связанная с Вольфом цыганская тематика актуализируется при звучании романса «Твои глаза зеленые» Ф. Фомина и К. Подревенского.

Цыганская культура еще в дореволюционной литературе была прочно связана с русской. В. В. Мароши отмечает формирование позитивного цыганского мифа, представляющего собой самопроекцию русской культуры на другой этнос и наделяющего цыган чертами экзотичности и дионисийства [Мароши, 2019, с. 56]. В текстах эмигрантов в цыганах превозносятся качества, которые русские ценят в себе – удаль, разгул, страсть, противопоставленные европейской рациональности и регламентированности. В ресторане с цыганским пением героини-эмигранты, с одной стороны, укрепляют ощущение национальной идентичности и связи с прошлым, с другой – предаются экстазу, поддерживая в себе чувство жизни. Например, в романе Б. Поплавского «Домой с небес» русские кабаки и кабаре Парижа притягивают главного героя Олега, отражая его метания между земной жизнью и путем сверхчеловека, между аскезой и радостями плоти. Модернистский взгляд на кабацкое пространство как на нечистое место, через которое все же нужно пройти для нового опыта и трансформации, актуализируется в эпизодах, когда Олег во время танца испытывает радость ощущения собственного тела. Ал-

коготь, цыганская музыка и соседство Кати с цыганскими глазами погружают его в измененное состояние сознания, экстатический танец ведет к обретению себя и полноты жизни.

Подводя итоги, можно отметить, что в творчестве эмигрантов отражено предположение, высказанное Е. Р. Пономаревым: развитие ресторанной культуры XX в. движется в направлении все большего разнообразия развлекательных локусов и варьирования их под нужды отдельных групп. В условиях эмиграции реализовалось то, чему в СССР помешала историческая обстановка. В развитии семантики локуса авторы колеблются, связывая его то со злоупотреблением земными благами, то с мирным наслаждением ими, превращая его и в нейтральное, обыденное пространство, и в пошлую среду, преобразенную взглядом художника. Помимо уже существовавших в русской литературе тенденций, в ассоциативное поле ресторана входят теперь благополучие и успех в динамичной жизни города XX в. Также важна роль столичного и провинциального ресторана как места, передающего дух страны и народа. Складывается несколько типов изображения, вдохновленных культурой большого города, – от концентратора соблазна и порока до места респектабельного отдыха, от буйства и экстаза до обыденности и скуки. Возникают различные индивидуальные изображения, превращающие ресторан в судьбоносное место с помощью символических деталей и внефабульных мотивов. Диапазон возможностей в изображении локуса в творчестве эмигрантов отражает новый этап в развитии традиции и новый культурный опыт.

Список литературы

- Богодерова А. А.* Ресторанный локус в прозе шанхайских эмигрантов 1920–1940-х годов // Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 315–335.
- Галинская И. Л.* Лучшие рассказы Владимира Набокова // Вестник культурологии. 2006. № 3. С. 66–76.
- Голубович М.* Русские рестораны, трактиры и музыканты межвоенного Белграда // Парадигма. 2022. С. 72–92.
- Кихней Л. Г., Гавриков В. А.* «Кабачкий локус» в русской поэзии XX века: статья первая (символизм и акмеизм) // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 228–246.
- Лебедева В. Ю.* К вопросу о библейском коде в рассказе В. Набокова «Удар крыла» // ФИЛОЛОГОС. 2017. № 4 (35). С. 68–74.
- Магомедова Д. М.* Развлечение или inferнальный локус? Демонизация развлечений в литературе символизма: театр, бал, ресторан, казино // Русская развлекательная культура Серебряного века, 1908–1918. М.: ИД ВШЭ, 2017. С. 31–44.
- Мароши В. В.* Цыганский «вакхический» миф в русской литературе XIX в. и неодионисийский миф Вяч. Иванова // Культура и текст. 2019. № 2 (37). С. 54–78.
- Менегальдо Е.* Русские в Париже. 1919–1939. М.: Наталья Попова; «Кстати», 2001. 247 с.
- Павлов С. Г., Фомичева Е. Д.* Inferнальные локусы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 5. С. 209–217.
- Пономарев Е. Р.* Столичный ресторан как феномен русской жизни fin de siècle (от Тургенева, Достоевского и Толстого к Куприну и Бунину) // НЛЮ. 2018. № 1 (149). С. 132–144.

Сендерович С., Шварц Е. Сок трех апельсинов: Набоков и петербургский театральный авангард // Империя Н. Набоков и наследники: Сб. ст. / Ред.-сост. Ю. Левинг, Е. Сошкин. М.: НЛЮ, 2006. С. 293–348.

Ташлыков С. А. Хронотоп трактира в художественном мире А. И. Куприна // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 39–47.

Список источников

Аверченко А. Т. Собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во Дмитрий Сечин, 2014. Т. 12. 448 с.

Алданов М. Соч.: В 6 кн. М.: Новости, 1994. Кн. 3. 512 с.

Алданов М. А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1991. Т. 4. 574 с.

Белый А. Одна из обителей царства теней. Л.: Гос. изд-во, 1924. 75 с.

Берберова Н. Н. Облегчение участи. Париж: Умса-Press, 1949. 279 с.

Ветлугин А. Записки мерзавца. Берлин: Русское творчество, 1922. 252 с.

Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1. 880 с.; Т. 3. 736 с.

Городецкая Н. Д. Несквозная нить. Париж: Паскаль, 1929. 163 с.

Еленев Н. А. Angelus Dei. Избранное. Б. м.: Salamandra P. V. V., 2021. 242 с.

Зайцев Б. К. Дом в Пасси. Берлин: Парабола, 1935. 250 с.

Зайцев Б. К. Собр. соч.: В 9 т. М.: Русская книга, 2000. 560 с.

Ирецкий В. Я. Наследники. Б. м.: Salamandra P. V. V., 2018. 250 с.

Краснов П. Н. За чертополохом. Берлин: Изд-во Ольги Дьяковой и Ко., 1922. 389 с.

Крымов В. П. Дьяволенок под столом. Берлин: Петрополис, 1933. 327 с.

Куприн А. И. Собр. соч.: В 6 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 6: Произведения 1899–1937. 830 с.

Лаппо-Данилевская Н. А. Кровавый рубин. Париж: б. и., 1925. 200 с.

Набоков В. В. Русский период. Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 1. 832 с.; 2006. Т. 3. 848 с.

Одоевцева И. В. Зеркало. Брюссель: Петрополис, 1939. 231 с.

Осоргин М. А. Там, где был счастлив // Литература русского зарубежья. Антология: В 6 т. М.: Книга, 1990. Т. 1, кн. 1: 1920–1925. С. 167–178.

Поплавский Б. Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 2000. Т. 2. 464 с.

Ренников А. М. Жизнь играет. Париж: б. и., 1930. 271 с.

Сабурова И. Е. Королевство Алых башен. Мюнхен: Ди-Пи, 1947. 151 с.

Седых А. Звездочеты с Босфора. 2-е изд. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1973. 159 с.

Сургучев И. Д. Рогонда. Париж: Возрождение, 1952. 292 с.

References

Bogoderova A. A. Restorannyy lokus v proze shankhayskikh emigrantov 1920–1940-kh godov [The restaurant locus in the prose of Shanghai émigrés of the 1920s and 1940s]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics]. 2025, no. 2, pp. 315–335.

Galinskaya I. L. Luchshiyе rasskazy Vladimira Nabokova [The best short stories by Vladimir Nabokov]. *Herald of Culturology*. 2006, no. 3, pp. 66–76.

Golubovic M. Russkiye restorany, traktiry i muzykanty mezhvovennogo Belgrada [Russian restaurants, taverns, and musicians of interwar Belgrade]. *Paradigma*. 2022, no. 36, pp. 72–92.

Kikhney L. G., Gavrikov V. A. “Kabatskiy lokus” v russkoy poezii 20 veka: stat’ya pervaya (simvolizm i akmeizm) [“The tavern locus” in the Russian poetry of the 20th

century: article 1 (symbolism and acmeism)]. *The New Philological Bulletin*. 2019, no. 4 (51), pp. 228–246.

Kikhney L. G., Gavrikov, V. A. “Kabatskiy lokus” v russkoy poezii 20 veka: stat’ya vtoraya [“The tavern locus” in the Russian poetry of the 20th century: article 2]. *The New Philological Bulletin*. 2020, no. 2(53), pp. 204–220.

Lebedeva V. Yu. K voprosu o bibleyskom kode v rasskaze V. Nabokova “Udar kryla” [On the issue of the Bible code in the story “Wingstroke” by V. Nabokov]. *FILOLOGOS*. 2017, no. 4 (35), pp. 68–74.

Magomedova D. M. Razvlechenie ili infernal’nyy lokus? Demonizatsiya razvlecheniy v literature simbolizma: teatr, bal, restoran, kazino [Entertainment or infernal locus? The demonization of entertainment in Symbolist literature: theater, ball, restaurant, casino]. In *Russkaya razvlekatel’naya kul’tura Serebryanogo veka 1908–1918* [Russian entertainment culture of the Silver Age, 1908–1918]. Moscow, HSE, 2017, pp. 31–44.

Maroshi V. V. Tsyganskiy “vakkhicheskiy” mif v russkoy literature 19 v. i neodionisiyskiy mif Vyach. Ivanova [Gypsy Bacchic myth in Russian literature of the 19th century and Neodionysian myth by Vyacheslav Ivanov]. *Culture and text*. 2019, no. 2 (37), pp. 54–78.

Menegaldo E. *Russkiye v Parizhe. 1919–1939* [Russians in Paris. 1919–1939]. Moscow, Natal’ya Popova, “Kstati”, 2001. 247 p.

Pavlov S. G., Fomicheva E. D. Infernal’nye lokusy v romane M. Bulgakova “Master i Margarita” [Infernal loci in M. Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2021, no. 5, pp. 209–217.

Ponomarev E. R. Stolichnyy restoran kak fenomen russkoy zhizni fin de siècle (ot Turgeneva, Dostoevskogo i Tolstogo k Kuprinu i Buninu) [The capital city restaurant as a phenomenon of Russian fin de siècle life (from Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy to Kuprin and Bunin)]. *New Literary Observer*. 2018, no. 1 (149), pp. 132–144.

Senderovich S., Shvartz E. Sok trekh apel’sinov: Nabokov i peterburgskiy teatral’nyy avangard [The juice of three oranges: Nabokov and the St. Petersburg theatrical avant-garde]. In *Imperiya N. Nabokov i nasledniki* [Empire N. Nabokov and his heirs: Coll. of art.]. Leving Yu., Soshkin E. (Eds.) Moscow, NLO, 2006, pp. 293–348.

Tashlykov S. A. Khronotop traktira v khudozhestvennom mire A. I. Kuprina [The chronotope of the tavern in the artistic world of A. I. Kuprin]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2010, no. 1, pp. 39–47.

List of sources

Aldanov M. A. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected works: In 6 vols.]. Moscow, 1991, vol. 4, 574 p.

Aldanov M. *Soch.: V 6 kn.* [Works: In 6 bks.]. Moscow, Novosti, 1994, bk. 3, 512 p.

Averchenko A. T. *Sobr. soch.: V 13 t.* [Collected works: In 13 vols.]. Moscow, 2014, vol. 12, 448 p.

Belyy A. *Odna iz obiteley tsarstva teney* [One of the Dwellings in the Kingdom of Shadows]. Leningrad, Gos. Izd., 1924, 75 p.

Berberova N. N. *Oblegchenie uchasti* [The easing of fate]. Paris, Ymca-Press, 1949, 279 p.

Elenev N. A. *Angelus Dei. Izbrannoe* [Angelus Dei. Selected works]. N. p., Salamandra P. V. V., 2021, 242 p.

Gazdanov G. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collected works: In 5 vols.]. Moscow, Ellis Lak, 2009, vol. 1, 880 p.; vol. 3, 736 p.

- Gorodetskaya N. D. *Neskvoznaya nit'* [Unchained thread]. Paris, Paskal', 1929, 163 p.
- Iretskiy V. Ya. *Nasledniki* [The Heirs]. N. p., Salamandra P. V. V., 2018, 250 p.
- Krasnov P. N. *Za chertopolokhom* [Behind thistles]. Berlin, Izd. Ol'gi D'yakovoy i Ko., 1922, 389 p.
- Krymov V. P. *D'yavolenok pod stolom* [Imp under the table]. Berlin, Petropolis, 1933, 327 p.
- Kuprin A. I. *Sobr. soch. v 6 t.* [Collected works: In 6 vols.]. Moscow, 1958, vol. 6: Proizvedeniya 1899–1937 [Works of 1899–1937], 830 p.
- Lappo-Danilevskaya N. A. *Krovavyy rubin* [Bloody ruby]. Paris, 1925, 200 p.
- Nabokov V. V. *Russkiy period. Sobr. soch. v 5 t.* [Russian period. Collected works. In 5 vols.]. St. Petersburg, Symposium, 2004, vol. 1, 832 pp.; 2006, vol. 3, 848 p.
- Odoeytseva I. V. *Zerkalo* [Mirror]. Brussels, Petropolis, 1939, 231 p.
- Osorgin M. A. Tam, gde byl schastliv [Where I was happy]. In *Literatura russkogo zarubezh'ya. Antologiya v 6 t.* [Russian literature abroad. Anthology. In 6 vols.]. Moscow, Kniga, vol. 1, bk. 1: 1920–1925. 1990, pp. 167–178.
- Poplavskiy B. *Sobr. soch.: V 3 t.* [Collected works: In 3 vols.]. Moscow, 2000, vol. 2, 464 p.
- Rennikov A. *Zhizn' igrayet* [The play of life]. Paris: b. i., 1930, 271 p.
- Saburova I. E. *Korolevstvo Alykh Bashen* [The Kingdom of Scarlet Towers]. Munich, 1947, Di-Pi, 151 p.
- Sedykh A. *Zvezdochety s Bosfora* [Stargazers from the Bosphorus]. 2nd ed. New-York, Novoe russkoe slovo, 1973, 159 p.
- Surguchev I. D. *Rotonda* [La Rotonde]. Paris, Vozrozhdenie, 1952, 292 p.
- Vetlugin A. *Zapiski merzavtsa* [Notes of a scoundrel]. Berlin, Russkoe tvorchestvo, 1922, 252 p.
- Zaytsev B. K. *Dom v Passi* [House in Passy]. Berlin, Parabola, 1935, 250 p.
- Zaytsev B. K. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols.]. Moscow, Russkaya kniga, 2000, 560 p.

Информация об авторе

Анна Александровна Богодерева, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Anna A. Bogoderova, Candidate of Philology, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 01.10.2025;
одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 20.11.2025
The article was submitted on 01.10.2025;
approved after reviewing on 20.11.2025; accepted for publication on 20.11.2025*